

УСПЕШНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ*

Галина Борисовна КОЗЫРЕВА^а*, Татьяна Васильевна МОРОЗОВА^б,
Раиса Васильевна БЕЛАЯ^с

^а доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Карельского научного центра РАН (ИЭ КарНЦ РАН),
Петрозаводск, Российская Федерация
kozyrevakrc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>
SPIN-код: 5947-2488

^б доктор экономических наук,
директор Института экономики Карельского научного центра РАН (ИЭ КарНЦ РАН),
Петрозаводск, Российская Федерация
morozova.ras@gmail.com
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 4961-5004

^с кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт экономики Карельского научного центра РАН (ИЭ КарНЦ РАН),
Петрозаводск, Российская Федерация
belaya@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4100-5038>
SPIN-код: 7976-7410

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 393/2020
Получена 02.07.2020
Получена в доработанном
виде 18.07.2020
Одобрена 05.08.2020
Доступна онлайн
15.10.2020

УДК 332.1

JEL: A13, A14, D03

Ключевые слова:

институциональная
матрица, социальный

Аннотация

Предмет. В статье раскрываются проблемы формирования и развития модели успешного человека современного российского общества.

Цели. Построение модели успешного человека российского общества в условиях смены идеологической подсистемы институциональной матрицы.

Методология. В основе работы лежит теория институциональных матриц С. Кирдиной, теория человеческого и социального капитала. За основу взята позиция, рассматривающая человека носителем социального капитала, включающего такие составляющие, как успешность, социально-экономическое положение, социальный статус, гражданская активность, полезность семье и обществу, доверие людям и отношение к своему региону. Эмпирическая база исследования включает данные социологического опроса населения РФ в 2018 г. Для обработки данных опроса применен факторный анализ.

Результаты. Разработана модель успешного человека современного российского общества, которая показывает, что успешность прежде всего связана с экономическим благополучием и менее всего – с гражданской активностью. Потенциальная активность (желание, возможность, готовность) участвовать в общественной и политической жизни значительно доминирует над реальной активностью граждан. Успешность слабо связана с такими элементами социального капитала, как доверие к людям и полезность обществу.

Выводы. Сформированная в настоящее время «модель современного успешного человека», основанная на социально-экономическом благополучии, то есть на идее потребления, не является эффективной.

капитал, человеческий капитал, гражданская активность, модель успешного человека	Устойчивость социально-экономического благополучия является сильным фактором социального неравенства возможностей, которые способствуют достижению успеха в жизни современного российского человека.
--	--

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Козырева Г.Б., Морозова Т.В., Белая Р.В. Успешный человек, общество и гражданская активность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16, № 10. – С. 1800 – 1816.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.10.1800>

Введение

Понятие успеха и успешности типично для западной традиции «общества потребления», которое формировалось на протяжении не одного столетия. Как отмечал Жан Бодрийяр, общество потребления – это общество, в котором потребление сделалось главным содержанием общественной жизни и стимулируется социальными, культурными, психологическими средствами. При этом культ «успешного человека» основан на «культе потребления» [1].

Коммунитарная модель, основанная на принципах соборности, общинности, коллективизма, традиционно свойственная для России, обуславливает формирование успеха для общества в целом. Стратегия успеха каждого отдельного человека не формулируется и «растворяется» в идеологеме «успешное общество». Говоря о патриотизме, жертвенности русского человека, особенно в трудные периоды жизни страны, которые позволили России достичь великих успехов, нужно признать, что для конкретных людей сопричастность этим успехам и гордость за них в большей степени являлись компенсацией за испытанные лишения.

Тем не менее с началом рыночных реформ ранее порицаемая в обществе норма потребительства сегодня большинством населения поощряется. *«Машина, мебель, украшения, одежда становятся знаками личного успеха, символом стиля жизни...» Потребление становится индикатором социальной стратификации»* [2]. Смена приоритетов вызвала у людей отторжение идей патриотизма. Новые приоритеты связаны с формированием и реализацией моделей поведения, нацеленных на личный успех. При этом идея гражданской активности начала отходить на задний план. Именно поэтому в данном контексте актуализируются исследования, нацеленные на операционализацию процессов формирования и оценку перспектив развития модели успешного человека российского общества в условиях смены идеологической подсистемы.

В представленном исследовании концепция успешного человека рассматривается через институциональную парадигму. При этом речь идет не просто об институтах, которые создают условия для реализации стратегии успешности в отношении конкретного человека. Мы делаем акцент на существующем разрыве между

* Статья подготовлена в рамках госзадания Института экономики КарНЦ РАН по теме «Институты и социальное неравенство в условиях глобальных вызовов и региональных ограничений».

институциональными системами разных обществ. Такой разрыв объясняет теория институциональных матриц С. Кирдиной. По ее мнению, институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической [3].

Постановка задачи

Для представленного анализа наибольший интерес вызывает идеологическая подсистема. Для России, которая (на основе теории Кирдиной) относится к восточной X-матрице, характерна коммунитарная идеологическая подсистема – в противовес субсидиарной (индивидуалистской) идеологической подсистеме стран западной Y-матрицы.

В начале 1990-х гг. в России и на всем постсоветском пространстве произошла институциональная революция, нацеленная на радикальную смену всех общественных институтов. Первоначально общество активно поддержало эти преобразования. Идея демократизации, либерализации и надежда на радикальное повышение качества жизни стали основой для такой поддержки. К сожалению, в течение последующих 5–7 лет рыночные реформы создали мощнейшую проблему социального неравенства. Была полностью разрушена социальная структура общества, связанная с массовой нисходящей социальной мобильностью практически всего среднего класса [4–6].

Трансформация идеологической подсистемы российского общества, обладающей высокой степенью инертности, происходила значительно медленнее, чем трансформация политической и экономической подсистем. С началом рыночных реформ в первое десятилетие базовые ценности оставались незыблемыми. Далее и до настоящего времени происходит их поступательное движение по социальному континууму в сторону рыночных ценностей, то есть в сторону Y-матрицы. Эти процессы, сопровождающиеся атомизацией и anomией общества, обусловлены действием агрессивных институтов, связанных со сменой модели государственной социальной политики и отказа от принципов патернализма. Перераспределение ответственности от государства к человеку вызвало изменение в процессах формирования его жизненных стратегий, основанных на иных идеологических принципах [7, 8].

Навязанные социальной системе несвойственные (неродные) ее матрице институты не справились со своими функциями по регулированию экономических отношений и эффективному распределению правомочий собственности. В результате адаптационных процессов экономическая система начала формировать антиинституты [9–11]. В дальнейшем в результате настройки институциональных систем сформировались достаточно устойчивые политическая и экономическая подсистемы.

Как уже было отмечено, идеологическая подсистема институциональной матрицы развивалась не столь стремительно. Всплеск гражданской активности в

России был зафиксирован в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда граждане стихийно выходили на улицу в поиске ответов на самые острые вопросы времени. Далее наступил период отчуждения и апатии [12]. В настоящее время, несмотря на размывание патриотических принципов, появляются новые формы гражданской активности: повышается политическая грамотность, развивается система НКО, появляются новые формы функционирования социального капитала через информационные цифровые технологии – краудсорсинг, краудфорсайт и т.п. [13–15].

С нашей точки зрения ключевыми факторами формирования стратегий успешности человека являются человеческий и социальный капитал. Исследования существующих теоретических подходов в данной сфере может стать основой для развития полноценной концепции «успешного человека» применительно к российскому обществу.

Нужно учитывать, что человеческий капитал – это не только способности и качества человека, определяющие его доход, это также общественные условия, определяющие механизмы воспроизводства человеческой способности к труду и полноту удовлетворения его потребностей [16, 17]. В то же время человеческий капитал – это система мотиваций, исходящая от его носителя. Рассмотренная же в отвлечении от непосредственных носителей эта система мотиваций в самом широком смысле является социальным капиталом [18]. Система социальных связей, в которую включен человек благодаря своему человеческому капиталу, многократно увеличивает его шансы на реализацию успешных жизненных стратегий. При этом инвестором человеческого капитала являются как сам человек, так и общество. Таким образом, человеческий и социальный капитал являются взаимосвязанными и взаимозависимыми категориями [19].

По А. Портесу социальный капитал, включая в себя социальные сети и соответствующие нормы, воздействует на продуктивность и благосостояние различных сегментов сообщества. То есть социальный капитал обуславливает экономическое благополучие и успешность социальных групп, что свидетельствует о его возможностях снимать противоречие между личным и общественным [20].

В обществе, где созданы условия для развития социального капитала, то есть функционируют институты, мотивирующие граждан на совместные действия, повышается человеческий капитал. Рост социального капитала расширяет возможности для роста человеческого капитала и наоборот. В результате такого взаимовыгодного обмена выигрывает и индивид, который получает больше возможностей для реализации стратегии личного успеха, и общество, где развивается гражданская активность [21].

Одним из направлений функционирования социального капитала является гражданская активность. *«Это форма общественной активности, выражающаяся в неравнодушном отношении к проблемам общества, способности и желании проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, это осознание личной ответственности за благополучие государства»* [12].

Результаты исследования

В представленном исследовании нами выдвигаются следующие гипотезы.

1. Успешность современного человека российского общества прежде всего связана с экономическим благополучием и менее всего – с гражданской активностью.

2. Успешность современного человека слабо связана с такими элементами социального капитала, как доверие к людям и полезность обществу.

В основу методологии представленного исследования заложена позиция, рассматривающая человека как носителя социального капитала, который включает такие составляющие, как успешность, социально-экономическое положение, социальный статус, гражданская активность, полезность семье и обществу, доверие людям и отношение к своему региону.

Эмпирическая база исследования – данные опроса населения РФ в 2018 г. ($N = 440$), полученные при проведении исследования «Современный успешный человек: модель удовлетворенности», являющегося продолжением научных исследований, инициированных чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской, в рамках международного консорциума ученых из Польши, России, Белоруссии. Для обработки данных опроса населения по разделу анкеты «Успешность и общество, гражданская активность» был применен факторный анализ, для проведения которого были отобраны 16 переменных, характеризующих социальный капитал человека: самооценка устойчивости социально-экономического положения респондента; самооценка сегодняшнего социального статуса; самооценка респондентом успешности в жизни; озабоченность социально-экономической ситуацией в регионе, поселении респондента; участие в жизни города, муниципалитета, региона; возможность влиять на улучшение социально-экономического положения муниципалитета, региона; самооценка полезности государству, своей организации, обществу в целом; самооценка полезности семье (родственникам, детям, внукам); самооценка полезности окружающим людям (друзьям, коллегам, соседям); оценка респондентом степени участия в общественной и политической жизни; готовность объединяться с другими людьми для совместных действий; доверие близким, родственникам, друзьям, знакомым людям; доверие всем людям без исключения; недоверие ко всем; чувство удовлетворенности жизнью в своем регионе.

В результате факторного анализа были выявлены пять факторов – интегральных показателей, отражающих структуру социального капитала успешного человека:

- 1) фактор устойчивости социально-экономического благополучия;
- 2) фактор гражданской активности;
- 3) фактор полезности обществу;
- 4) фактор межличностного доверия;

5) фактор привязанности к месту жительства (городу, региону, стране).

Анализ данных осуществлялся через выделение двух областей (положительных и отрицательных значений) в рамках каждого фактора [22]. Результаты анализа показали, что фактор *устойчивости социально-экономического благополучия F1* имеет высокие нагрузки на следующие переменные:

- самооценка устойчивости социально-экономического положения респондента;
- самооценка социального статуса;
- самооценка успешности респондента в целом.

Расчеты позволили выявить интегральный показатель социально-экономического благополучия, связывающий указанные переменные (табл. 1). Распределение респондентов по интегральному показателю *F1* показало, что в целом выборочная совокупность распределилась почти равномерно: 50,5% респондентов попали в область устойчивого социально-экономического благополучия; 49,5% – в область неустойчивого социально-экономического благополучия. Вместе с тем структура выделенных групп, как первой, так и второй, демонстрирует высокий уровень социальной дифференциации опрошенного населения по фактору *F1* устойчивости социально-экономического благополучия, который проявляется через высокую корреляцию между данным фактором и уровнем оцениваемой респондентом успешности.

Высокую корреляцию с успешностью в группе 1 «социально-экономическое благополучие» показывают обе переменные: «устойчивость социально-экономического положения» (83,2%) и «высокий социальный статус» (82,6%). К успешным из этой группы относят себя 81,6% респондентов. И, напротив, в группе 2 – «социально-экономическое неблагополучие» такой корреляции не наблюдается. Здесь количество респондентов, считающих себя успешными, практически в два раза меньше (36%), чем в первой группе. Из них только 5% респондентов имеют «устойчивое социально-экономическое положение» и 6,5% – «высокий социальный статус». Таким образом, *устойчивость* социально-экономического благополучия является сильным фактором социального неравенства возможностей, которые способствуют достижению успеха в жизни современного российского человека.

Второй фактор *F2*, исходя из факторных нагрузок пяти переменных, включенных в него, идентифицирован как интегральный *показатель гражданской активности* (табл. 2). Распределение респондентов по интегральному показателю *F2* (фактор гражданской активности) неравномерно (56,1 и 43,9% соответственно). В структуре выделенных групп определены области высокой и низкой гражданской активности, выявлена высокая дифференциация в компонентах данного фактора. Особенно высокая дифференциация наблюдается для переменных «готовность объединяться с другими людьми» (82,4% против 34,6%), «возможность влиять на улучшение социально-экономического положения региона» (44,2% против 1,9%) и «участие в жизни города, муниципалитета, региона» (42,4% против 0,5%). Данные анализа

показывают низкую активность участия в общественной и политической жизни для лиц из групп как с высокой, так и низкой гражданской активностью (4,3% и 17% соответственно).

С фактором гражданской активности успешность коррелирует слабее, чем с фактором устойчивости социально-экономического благополучия, и здесь факторные нагрузки на переменную составляют 0,303 и –0,529 соответственно. Вместе с тем между представителями 3 и 4 групп наблюдается заметная дифференциация, что свидетельствует о том, что респонденты из группы с высокой гражданской активностью считают себя успешными в 1,5 раза чаще, чем относящие себя к группе с низкой гражданской активностью.

Таким образом, результаты исследования показывают, что потенциальная активность (желание, возможность, готовность) участвовать в общественной и политической жизни значительно доминирует над реальной активностью граждан принимать участие в упомянутых сферах жизни. Высокий уровень гражданской активности определяется в основном желанием, готовностью и возможностями, то есть компонентами потенциальной гражданской активности. Но оценка реальной гражданской активности отстает от потенциальной. Гражданская активность при этом является менее значимым фактором успешности, чем социально-экономическое благополучие.

Распределение респондентов по фактору *полезности F3* (табл. 3) показало его неравномерность (57,2 и 42,8% соответственно) в областях высокой и низкой полезности. В структуре выделенных групп (в области высокой и низкой полезности) выявлена высокая самооценка полезности семье, родственникам (100 и 81% соответственно). Уровень «полезности окружающим людям» ниже и составляет 37,9% против 88,4%.

Данные анализа показывают, что самый низкий уровень из всех компонент фактора полезности *F3* имеет показатель «полезности государству, своей организации, обществу». Дифференциация по этому показателю в выделенных группах достаточно высокая (46% против 8,7%). Неудовлетворительные характеристики фактора полезности социуму свидетельствуют об утрате чувства сопричастности к жизни государства, чем когда-то отличался советский народ. Взаимосвязь успешности с фактором полезности социуму практически отсутствует – факторная нагрузка составляет 0,045. Выявленные данные свидетельствуют о происходящих в российском обществе процессах разобщения и атомизации.

Распределение респондентов по фактору *межличностного доверия F4* отражено в табл. 4. Распределение респондентов по группам в областях высокого и низкого доверия практически равномерно (47,9 и 52,1% соответственно). Структура выделенных групп (область высокого доверия и область низкого доверия) показывает высокую дифференциацию между оценками межличностного доверия респондентов. Особенно это проявляется в положительных оценках о доверии большинству знакомых (97,2 против 39,3%) и не согласии с утверждением, что «доверять нельзя никому» (53,9 против 6,1%).

Уровень доверия не связан с самооценкой успешности человека (факторная нагрузка на переменную составляет $-0,079$). В обеих группах ее величина отличается незначительно – менее чем на 7%. Фактор межличностного доверия, таким образом, не коррелирует с успешностью современного человека. Выявленный в исследовании низкий уровень межличностного доверия, так же как и фактор полезности, отражает проблему атомизации общества. Данные анализа показывают наличие основания для актуализации проблемы формирования и развития социального капитала, *составляющей* которого является как межличностное доверие, так и полезность государству и обществу.

Распределение респондентов по фактору *привязанности к региону* $F5$ представлено в *табл. 5*. Здесь наблюдается небольшой разброс в размерности групп респондентов в области с высокой и низкой привязанностью (55,9 и 44,1% соответственно). Между группами выявлена существенная дифференциация в положительных оценках «доверия самым близким друзьям и родственникам» (85,7% против 28,9%), «удовлетворенности жизнью в своем регионе» (82,9% против 46,4%). Таким образом, удовлетворенность жизнью в регионе в значительной степени связана с уровнем доверия к близким, друзьям и родственникам. Данные по факторным нагрузкам показывают отсутствие взаимосвязи между успешностью и интегральным показателем привязанности к своему региону.

Выводы

Идеологическая подсистема институциональной матрицы современного российского общества находится в процессе трансформации, двигаясь от X- к Y-модели. Социальный капитал, являясь основой для формирования социальных норм общества, девальвирован и истощен. Его развитию препятствуют атомизация и аномия общества, что подтверждается результатами представленного исследования.

Успешность современного человека российского общества прежде всего связана с экономическим благополучием и менее всего – с гражданской активностью. Потенциальная активность (желание, возможность, готовность) участвовать в общественной и политической жизни значительно доминирует над реальным стремлением граждан принимать участие в упомянутых сферах жизни. Успешность слабо связана с такими элементами социального капитала, как доверие к людям и полезность обществу.

В результате человеческий капитал недополучает инвестиций со стороны гражданского общества, что снижает социально-экономические характеристики российского общества. Иными словами, социальный капитал слабо влияет на рост человеческого капитала. Вместе с тем результаты исследования показали, что именно *устойчивость* социально-экономического благополучия является сильным фактором социального неравенства возможностей, которые способствуют достижению успеха в жизни современного российского человека.

Результаты исследования демонстрируют актуальность формирования и развития социального капитала, *составляющей* которого является гражданская активность, базирующаяся на высоком межличностном и институциональном доверии, а также на полезности обществу.

Сформированная в настоящее время «модель современного успешного человека», основанная на социально-экономическом благополучии, то есть на идее потребления, не является в настоящее время эффективной. Сегодня можно говорить о появлении в российском обществе запроса на «идею успеха», который, к сожалению, не имеет достойной философско-теоретической основы и адекватной методологической операционализации. В результате запрос на «модель успеха» начинает постепенно трансформироваться в «модель сверхпотребления».

Таблица 1

Фактор устойчивости социально-экономического благополучия F1

Table 1

The factor of sustainable socio-economic wellbeing F1

Факторные нагрузки	Переменная	Значение переменной	Группа 1. Область устойчивого социально-экономического благополучия, %	Группа 2. Область неустойчивого социально-экономического благополучия, %	В среднем по выборке, %
0,878	Устойчивость социально-экономического положения	Устойчивое социально-экономическое положение	83,2	5,4	43,8
0,869	Как бы Вы могли оценить Ваш сегодняшний социальный статус? (по шкале: 1 – низкий, 5 – высокий)	Высокий социальный статус	82,6	6,5	44,1
-0,529	Считаете ли Вы себя успешным человеком (самооценка успешности)	Высокая самооценка успешности	81,6	36	58,5
Итого...	...	...	50,5	49,5	100

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2**Фактор гражданской активности F2****Table 2****The factor of civic activism F2**

Факторные нагрузки	Переменная	Значение	Группа 3. Область высокой гражданской активности, %	Группа 4. Область низкой гражданской активности, %	В среднем по выборке, %
0,869	Заботит ли Вас социально-экономическая ситуация в Вашем регионе, поселении?	Да, меня заботит социально-экономическая ситуация в регионе	94,5	66,4	79,2
0,650	Участвуете ли Вы в жизни Вашего города, муниципалитета, региона?	Да, я участвую в жизни города, муниципалитета, региона	42,4	0,5	20,5
0,664	Есть ли у Вас возможность влиять на улучшение социально-экономического положения муниципалитета, региона?	Да, у меня есть возможность влиять на улучшение социально-экономического положения региона	44,2	1,9	20,5
0,344	Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?	Принимаю активное участие в общественной и политической жизни	17	4,3	9,9
0,583	Готовность объединяться	Есть готовность объединяться с другими людьми	82,4	34,6	55,7
0,303	Самооценка успешности	Я – успешный человек	71,5	49,3	58,5%
Итого...	...	...	43,9	56,1	100

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 3**Фактор полезности социуму (семье, окружающим людям, своей организации, обществу в целом) F3****Table 3****The factor of doing good to the society, i.e., family, surrounding persons, company, overall society F3**

Факторные нагрузки	Переменная	Значение	Группа 5. Область высокой полезности, %	Группа 6. Область низкой полезности, %	В среднем по выборке, %
0,571	Ощущаете ли Вы свою полезность государству, своей организации, обществу в целом	Да, ощущаю полезность	46	8,7	30,9
0,742	Ощущаете ли Вы свою полезность семье (родственникам, детям, внукам)	Да, ощущаю полезность	100	81,4	91,9
0,625	Ощущаете ли Вы свою полезность окружающим людям (друзьям, коллегам, соседям) (да, нет)	Да, ощущаю полезность	88,4	37,9	66,6
0,045	Самооценка успешности	Считаю себя успешным	59,5	58,4	58,5
Итого...	...	...	57,2	42,8	100

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 4**Фактор межличностного доверия F4****Table 4****The factor of personal confidence F4**

Факторные нагрузки	Переменная	Значение переменной	Группа 7. Область высокого доверия к людям, %	Группа 8. Область низкого доверия к людям, %	В среднем по выборке, %
0,786	Доверять можно большинству знакомых людей (согласен, не согласен)	Да, можно доверять большинству знакомых	97,2	39,3	67,3
0,685	Доверять можно всем людям без исключения, (согласен, не согласен)	Да, доверять можно всем	28,9	0,5	14,2
0, 514	В наше время доверять нельзя никому (согласен, не согласен)	Не согласен, что в наше время доверять нельзя никому	53,9	6,1	28,5
-0,079	Самооценка успешности	Считаю себя успешным	56,1	61,7	58,5
Итого...	...	...	47,9	52,1	100

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 5**Фактор привязанности к региону F5****Table 5****The factor of association with the region F5**

Факторные нагрузки	Переменная	Значение переменной	Группа 9. Область высокой привязанности к региону, %	Группа 10. Область низкой привязанности к региону, %	В среднем по выборке, %
-0,662	Можно ли доверять самым близким, друзьям и родственникам?	Считаю, что можно доверять близким, друзьям и родственникам	85,7	28,9	60,7
0,595	Удовлетворенность жизнью в регионе	В целом я удовлетворен своей жизнью в регионе	82,9	46,4	66,6
-0,36	Самооценка успешности	Считаю себя успешным человеком	58,1	60,2	58,5
Итого...	...	...	55,9	44,1	100

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 268 с.
2. Кузьменко Е.О. Успешность как феномен современного массового общества и проявление нового уровня стандартизации культурных образцов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 3. С. 178–183.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. СПб: Нестор-История, 2014. 468 с.
4. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 3. С. 209–218.
5. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3–11.
6. Морозова Т.В., Козырева Г.Б. Современные проблемы качества жизни населения в условиях адаптации к рынку // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2002. № 3. С. 73–82.
7. Козырева Г.Б., Морозова Т.В., Белая Р.В. Социально-экономическое поведение домохозяйств приграничного региона как индикатор трансформации общества // Региональная экономика: теория и практика. 2015. Т. 13. Вып. 22. С. 2–20.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-povedenie>

- domohozyaystv-prigranichnogo-regiona-kak-indikator-transformatsii-obschestva/viewer
8. Лопаткин Г.В. Модернизация России: экономика и общество // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. Вып. 28. С. 31–39.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossii-ekonomika-i-obschestvo/viewer>
 9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
 10. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
 11. Сухарев М.В. Социальные антиинституты // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. С. 63–73.
 12. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. 1994. Вып. 1. С. 49–61.
 13. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 23–36.
 14. Усманов Б.Ф. Краудсорсинг: инновационные технологии для местной инициативы // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 80–85.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudsorsing-innovatsionnye-tehnologii-dlya-mestnoy-initsiativy/viewer>
 15. Сухарев М.В. Институты электронной демократии // Экономика и социум. 2016. № 3. С. 1223–1230. URL: <https://readera.org/instituty-jelektronnoj-demokratii-140118463>
 16. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 1, pp. 571–583. URL: <https://www.jstor.org/stable/1818907>
 17. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, iss. 5, part 2, pp. 9–49.
URL: <https://jstor.org/stable/1829103>
 18. Козырева Г.Б., Сухарев М.И., Тимаков И.В. Человеческий капитал и модели роста // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2017. № 8. URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4513
 19. Сухарев М.В. Человеческий капитал в общей системе знаний // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 9. С. 915–930.
URL: <https://doi.org/10.18334/ce.11.9.38353>
 20. Portes A., Landolt P. The Downside of Social Capital. *The American Prospect*, 1996, no. 26, pp. 18–21.

21. *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25–36.
22. *Харин В.Н.* Факторный анализ (подход с использованием ЭВМ). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1992. 90 с.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

THE SUCCESSFUL PERSON, SOCIETY AND CIVIC ACTIVISM

Galina B. KOZYREVA ^{a,*}, Tat'yana V. MOROZOVA ^b, Raisa V. BELAYA ^c

^a Institute of Economics of Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences (IE KarRC RAS), Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
kozyrevakrc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>

^b Institute of Economics of Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences (IE KarRC RAS), Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
morozova.ras@gmail.com
ORCID: not available

^c Institute of Economics of Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences (IE KarRC RAS), Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
belaya@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4100-5038>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 393/2020
Received 2 July 2020
Received in revised form
18 July 2020
Accepted 5 August 2020
Available online
15 October 2020

JEL classification: A13,
A14, D03

Keywords: institutional matrix, social capital, human capital, civic activism, successful person

Abstract

Subject. The article provides considerations on the formation and development of a successful person model in the modern Russian society.

Objectives. The study is an attempt to model a successful person in the Russian society, when the ideological subsystem of the institutional matrix is changing.

Methods. The study relies upon the theory of institutional matrices by S. Kirdina, theories of human and social capital. We focus on the assumption viewing a person as a carrier of social capital, which conveys a success, socio-economic position, social status, civic activism, doing good to your family and the public, confidence in people and association with your region. The empirical framework comprises data of the sociological survey of the Russian population in 2018. The data were processed through the factor analysis.

Results. We devised a model of a successful person in today's Russian society, which reveals that a success, first of all, depends on the economic wellbeing and has little relation to civic activism. The potential involvement (intention, possibility, preparedness) in the social and political life significantly dominates the real engagement of people. The success has a frail correlation with constituents of the social capital, such as confidence in people and doing good to the public.

Conclusions and Relevance. Based on the socio-economic wellbeing, that is consumption, the existing model of a successful person proves to be ineffective. The sustainability of socio-economic wellbeing seriously contributes to the social disparity of opportunities, which drive a contemporary Russian to a success in life.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Kozyreva G.B., Morozova T.V., Belaya R.V. A Successful Person, Society and Civic Activism. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 10, pp. 1800–1816.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.10.1800>

Acknowledgments

The article was performed as part of the State job of the Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, *Institutions and Social Disparity Amid Global Challenges and Regional Constraints*.

References

1. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego-mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., 2006, 268 p.
2. Kuz'menko E.O. [Success as a phenomenon of modern mass society and manifestation of the new level of standardization of cultural patterns]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestia Ural Federal University. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 178–183. (In Russ.)
3. Kirdina S.G. *Institutsionalnye matritsy i razvitie Rossii: Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrices and the development of Russia: An introduction to the X–Y theory]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 468 p.
4. Rimashevskaya N.M. [Modern Russia: Socioeconomic and demographic problems]. *Vestnik RAN = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2004, vol. 74, no. 3, pp. 209–218. (In Russ.)
5. Zaslavskaya T.I. [Socio-structural aspect of the transformation of the Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2001, no. 8, pp. 3–11. (In Russ.)
6. Morozova T.V., Kozyreva G.B. [Modern problems of the quality of life of the population in conditions of adaptation to the market]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: Issues and Prospects of Development*, 2002, no. 3, pp. 73–82. (In Russ.)
7. Kozyreva G.B., Morozova T.V., Belaya R.V. [Socio-economic behavior of households of the border region as an indicator of social transformation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2015, vol. 13, iss. 22, pp. 2–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-povedenie-domohozyaystv-prigranichnogo-regiona-kak-indikator-transformatsii-obschestva/viewer> (In Russ.)
8. Lopatkin G.V. [Modernization of Russia: Economy and society]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2015, vol. 11, iss. 28, pp. 31–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossii-ekonomika-i-obschestvo/viewer> (In Russ.)
9. Polterovich V.M. [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*, 1999, vol. 35, no. 2. (In Russ.)
10. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reform]. Moscow, Ekonomika Publ., 2007, 447 p.

11. Sukharev M.V. [Social anti-institutes]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*, 2004, vol. 5, no. 5, pp. 63–73. (In Russ.)
12. Rusalina A.A. [Social well-being of a person in the modern world as a scientific problem]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ser. 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series. 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law*, 1994, iss. 1, pp. 49–61. (In Russ.)
13. Toshchenko Zh.T. [Social sentiment is a phenomenon of the modern sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1998, no. 10, pp. 23–36. (In Russ.)
14. Usmanov B.F. [Crowdsourcing: Innovative technologies for the local initiative]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 3, pp. 80–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudsorsing-innovatsionnye-tehnologii-dlya-mestnoy-initsiativy/viewer> (In Russ.)
15. Sukharev M.V. [Institutions of e-democracy]. *Ekonomika i sotsium*, 2016, no. 3, pp. 1223–1230. (In Russ.) URL: <https://readera.org/instituty-jelektronnoj-demokratii-140118463>
16. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 1, pp. 571–583. URL: <https://jstor.org/stable/1818907>
17. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, iss. 5, part 2, pp. 9–49. URL: <https://jstor.org/stable/1829103>
18. Kozyreva G.B., Sukharev M.I., Timakov I.V. [Human capital and models of growth]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2017, no. 8. (In Russ.) URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4513
19. Sukharev M.V. [Human capital in the general system of knowledge]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2017, vol. 11, no. 9, pp. 915–930. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.18334/ce.11.9.38353>
20. Portes A., Landolt P. The Downside of Social Capital. *The American Prospect*, 1996, no. 26, pp. 18–21.
21. Golenkova Z.T. [Civil society in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1997, no. 3, pp. 25–36. (In Russ.)
22. Kharin V.N. *Faktornyi analiz (podkhod s ispol'zovaniem EVM)* [Factor analysis (the computer-based approach)]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 1992, 90 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.